

К ВОПРОСУ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

В статье раскрываются дискуссионные вопросы, связанные с осуществлением судом контроля в ходе досудебного производства. В работе предлагается введение такого участника уголовного судопроизводства, как «судебный следователь». Автором также сформированы предложения о внесении изменений и дополнений в статью 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: судья, судебный следователь, уголовный процесс, судебный контроль, историческая модель, ходатайство, жалоба.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, уголовно-процессуальное законодательство РФ, основанное на Конституции РФ, предусматривают право участников уголовного судопроизводства на независимый судебный контроль за действиями и решениями органов уголовного преследования, нарушающими их права и свободы. Именно судебный контроль призван оградить важнейшие конституционные права от их умаления и необоснованного ограничения.

Проблема судебного контроля в уголовном процессе многогранная, в определенной степени можно вести речь и о многоуровневом аспекте его проявления. Познанию его сущности, содержания, формам осуществления, социальному назначению посвящены многочисленные исследования, выполненные в том числе и с учетом современного уголовно-процессуального законодательства. Ограничимся констатацией того, что любая разновидность контроля со стороны судебных учреждений не есть разрешение имеющегося по делу обвинения по существу. Следовательно, такой контроль не может рассматриваться и как какая-либо разновидность осуществления по уголовному делу правосудия. Такой контроль есть другая, вспомогательная по отношению к правосудию, форма осуществления судебной власти.

Вступив в Совет Европы и ратифицировав в марте 1998 г. Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод, Россия присоединилась к европейской системе охраны прав человека, включающей в себя не только обязанность охранять и соблюдать зафиксированные в Конвенции права и свободы, но и признание юрисдикции Европейского суда по правам человека [3, с. 160]. Выполнение обязательств, принятых в связи с членством в ООН, в Совете Европы и других международных организациях, требует, чтобы наше национальное законодательство и практика его применения в рамках единого правового пространства соответствовали современным международным стандартам, основополагающим принципам и нормам международного права.

Институт судебного контроля и является тем инструментом, с помощью которого российский уголовный процесс со временем приблизится к мировым стандартам защиты прав человека.

* © Галимов Э.Э., 2016

Галимов Эрик Энгелевич (erikgalimov@mail.ru), кафедра специальной подготовки, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел России, 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Видные ученые Ф.Н. Багаутдинов, Т.Г. Морщакова, А.П. Гуськова, А.А. Халиулин, В.М. Назаренко вполне справедливо отмечают существенные недостатки, которые присущи уголовно-процессуальному законодательству РФ в части обеспечения полноценного судебного контроля за предварительным следствием.

Судебный контроль – сравнительно не разработанный как в теории, так и на практике институт в отечественном уголовном процессе, в котором имеют место быть нерешенные проблемы.

Актуальность темы обусловлена тем, что введение института судебного контроля вызвало дискуссию ученых по вопросу о том, может ли судья, исследующий законность и обоснованность ограничения конституционных прав граждан в ходе досудебного производства, в дальнейшем рассматривать уголовное дело по существу, не утратив при этом беспристрастности [7, с. 107].

Согласно обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год, в районных судах было рассмотрено 2 млн 7 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) в порядке уголовного производства и иных материалов судебного контроля¹, почти как и в 2014 году (2 млн 846,6 тыс.). Материалы в порядке судебного контроля составили 1 млн 1174 тыс., или 59,3 % (1 млн 28 тыс., или 51,6 %) от общего числ рассмотренных, из них:

– ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) составили 146,8 тыс., или 7,3 % от общего числа рассмотренных материалов, или 11,3 % от материалов в порядке судебного контроля; удовлетворено 133,1 тыс. ходатайств, или 90,7 % от общего числа рассмотренных, или 91,8 % от рассмотренных по существу (снижение в сравнении с 2014 годом составило 7,4 % – 146,8 тыс. материалов, из них удовлетворено от рассмотренных по существу 91,1 %);

– о продлении срока содержания под стражей (п. 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) – 201,1 тыс. материалов, или 10 % в общей структуре, удовлетворено 197,8 тыс. ходатайств, или 98,4 % от общего числа рассмотренных (в сравнении с 2014 годом увеличилось на 3,9 % – рассмотрено 193,5 тыс. материалов, из них удовлетворено 98,2 %);

– жалобы на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ), составили 134,4 тыс., или 6,7 % от числа рассмотренных материалов, удовлетворено только 6,8 % от общего числа рассмотренных, или 18,9 % от числа рассмотренных по существу (в сравнении с 2014 годом увеличение количества рассмотренных жалоб на 5,2 %, 19,7 % удовлетворено от рассмотренных по существу)².

Уголовно-процессуальный закон определяет место суда в осуществлении задач уголовного судопроизводства и реализации его предназначения. Занимая центральное место в системе органов уголовного судопроизводства, суд призван реализовывать указанное в Конституции РФ уголовное судопроизводство для защиты прав и свобод граждан в ходе отправления правосудия. Поэтому от содержания установленного процессуальным законом статуса суда, его обязанностей, пределов полномочий и предоставленных ему правовых средств в значительной мере зависит эффективность решения поставленных перед уголовным судопроизводством задач.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве существенно изменяются назначение, роль и содержание компетенции суда. Основопологающим фактором конституирования уголовно-процессуального положения суда является осуществление правосудия по уголовным делам на основе принципов равноправия сторон и состязательности, исключения уголовного преследования из компетенции суда. Концептуальная новизна положения суда в системе современного российского уголовного судопроизводства выражается в ограничении активности суда в инициировании обвинительных функций в расследовании дела, в отделении доказывания от функции правосудия и возложении обязанности собирания, представления доказательств и их интерпретации на стороны.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определил особое место суда в уголовном судопроизводстве. В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом преследования, не стоит на стороне защиты или обвинения. Основная задача суда — создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления прав, предоставленных им уголовно-процессуальным законодательством.

Статья 29 УПК РФ определяет полномочия суда. Формулировка «только суд правомочен» делает эти полномочия исключительными и означает, что никакой другой орган, никакое иное должностное лицо не могут принимать какое-либо решение, исчерпывающий перечень которых представлен в указанной статье.

Таким образом, в соответствии со ст. 29 УПК РФ только суд правомочен:

- признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание;
- применить к лицу принудительные меры (медицинского характера или воспитательного воздействия);
- отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом.

Только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: об избрании отдельных мер пресечения и мер процессуального принуждения; о проведении следственных и иных действий, затрагивающих конституционные права граждан.

М.В. Мешков определяет судебный контроль как систему предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством средств, призванных обеспечить реализацию судом конституционных функций судебной власти, что в конечном итоге должно исключить незаконное и необоснованное ограничение прав личности в уголовном процессе, обеспечить восстановление этих прав в случае их нарушения, а также компенсировать их средствами права [7, с. 160].

Вместе с тем закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве идея судебного контроля при досудебном производстве некоторыми учеными ставится под сомнение, так как осуществление судом этой функции, по их мнению, в принципе несовместимо с ролью суда в правовом государстве и ведет к смешению функций обвинения и разрешения дела.

Так, например, Е.Е. Коробкова считает, что у суда в уголовном процессе должна быть одна функция — функция разрешения уголовного дела по существу. Обосновывая позицию, автор указывает на различие предмета и процессуальной формы судебного контроля и уголовного судопроизводства, несовпадение их инструментария и назначения. Учитывая конституционный характер норм, являющихся предметом деятельности при судебном контроле, предлагается осуществлять этот контроль в конституционном процессе, предусмотренном ч. 2 ст. 118 Конституции РФ [5, с. 96–101].

Е.А. Зайцева считает, что судебный контроль в стадии предварительного расследования — это основанная на нормах УПК РФ деятельность федеральных судей, направленная на рассмотрение и разрешение жалоб граждан на действия (бездействие) и решения органов расследования, а также на проверку законности и обоснованности решений органов предварительного следствия и дознания о задержании лиц, о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан [2, с. 34].

Феномен судебного контроля, справедливо отмечает В.А. Азаров, в современном российском уголовном процессе упрочил свои позиции настолько, что вполне уместно говорить о нем как о самостоятельном направлении судебной деятельности, другими словами, о нарождающейся уголовно-процессуальной функции судебного контроля [1, с. 23].

Введение института судебного контроля вызвало дискуссию ученых по вопросу о том, может ли судья, исследующий законность и обоснованность ограничения конституционных прав граждан в ходе досудебного производства, в дальнейшем рассматривать дело по существу, не утратив при этом беспристрастности.

Возникает утверждение, что у судьи, выдавшего решение об аресте, обыске и так далее, складывается убеждение в виновности определенного лица, которое в дальнейшем помешает ему объективно рассмотреть дело и вынести справедливый приговор.

Решение проблемы беспристрастности суда неоднозначно:

– одни авторы считают необходимым введение института следственного судьи как специализированного суда, полностью отделенного от судов общей юрисдикции;

– другие авторы полагают необходимым возвращение к прежней исторической модели организации взаимоотношений судебной власти и предварительного следствия, когда судебный следователь являлся носителем судебной власти и принадлежал к категории лиц судейского звания;

– ряд авторов формулируют ряд предположений по внесению изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», касающихся введения в систему судебных органов новой должности следственного судьи, наделенного исключительно контрольными судебными полномочиями за предварительным расследованием.

Н.Г. Муратова предлагает введение в систему судебных органов новой должности следственного судьи, который мог бы осуществлять все формы судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу. В связи с этим предлагается внести изменения в Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»:

1) ввести в статью 1 «Судебная власть» часть четвертую следующего содержания: «Судебный контроль в досудебных стадиях осуществляет следственный судья судов общей юрисдикции»;

2) изменить редакцию части четвертой статьи 4: «К судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, следственные пенитенциарные судьи, являющиеся должностными лицами, уполномоченными осуществлять контрольные судебные полномочия в судах общей юрисдикции субъектов Российской Федерации»;

3) внести в часть первую статьи 6 слова «следственных пенитенциарных судей» после слов «мировых судей»;

4) ввести новую статью 111 «Следственные судьи» [6, с. 19].

Дискуссия о целесообразности введения в современный российский уголовный процесс фигуры специализированного следственного судьи ведется достаточно давно. Особую актуальность она приобрела в последние годы, когда должность следственного судьи, по сути, стала юридическим фактом в уголовном судопроизводстве ряда стран Балтии и СНГ, Латвии, Литвы и Республики Молдова.

Например, по законодательству Латвии следственный судья – это судья, которому председатель районного (городского) суда на определенный срок в установленных законом случаях и определенном законом порядке поручил контролировать соблюдение прав человека в уголовных процессах. В его обязанности входит следующее: принятие решения о применении меры принуждения, об изменении или отмене мер пресечения, о проведении специального следственного действия; по жалобам в отношении неоправданного нарушения тайны частной жизни при допросе и другие.

А вот подходы законодателя Республики Молдова выглядят несколько иначе. Статья 41 УПК Республики Молдова посвящена компетенции судьи по уголовному

преследованию. В его полномочия входит обеспечение судебного контроля, в рамках которого он принимает решение о взятии лица под предварительный или домашний арест, а также изменении, приостановлении или отмене этих мер пресечения; о временном освобождении задержанного или арестованного лица и их отмене, а также принятии решений о временном лишении лица водительских прав; дает разрешения на проведение обыска, освидетельствования, ареста имущества, изъятия предметов, содержащих государственную, коммерческую, банковскую тайну, на прослушивание сообщений, задержание, изучение, выдачу, досмотр или выемку почтовых отправлений, видеозапись, эксгумацию, допрос свидетелей; принимает решение о помещении лица в медицинское учреждение; рассматривает заявления об ускорении уголовного преследования; дает разрешения по ходатайству прокурора на проведение специальных розыскных мероприятий, отнесенных законом к его компетенции; рассматривает жалобы на действия вышестоящего прокурора; осуществляет другие процессуальные действия.

Ряд ученых и практиков, настаивающих на введении в систему уголовной юстиции России фигуры следственного судьи, нередко не видят различий между терминами, статусом и функциями таких фигурантов, как «судебный следователь» или «следственный судья» [9, с. 155].

Не определившись изначально в терминах, сути и предмете спора, в направлениях возможных новаций, законодателю предлагают то ввести в уголовное судопроизводство России судебного следователя, то следственного судью, но отчего-то с аналогичными процессуальными функциями и не до конца определенными полномочиями следственного или юрисдикционного характера. В итоге нередко остается неясным, что именно (нам) предлагают реформировать: предварительное следствие или все же оперативный судебный контроль. Поэтому прежде всего представляется методологически важным выявить различия между понятиями «следственный судья» и «судебный следователь», определиться с функциями, к реализации которых должны быть призваны указанные фигуранты, с оптимальной структурной организацией их деятельности. Н.Н. Ковтун и Т.С. Бухранова по данному вопросу приводят следующие выводы:

1) следственный судья системы права – это именно следователь по (основной) реализуемой функции. Его определенный аналог в российском уголовном процессе – судебный следователь по УУС Российской империи 1864 г. В данной связи, если говорится о структурной реформе предварительного следствия, ее (возможный) фигурант – именно судебный следователь. В силу чего как в теории процессуальной науки, так и в предложениях *de lege ferenda* не надо множить термины без особой нужды, именуя его (по континентальной традиции) следственным судьей;

2) специализированный следственный судья – напротив, субъект реализации именно юрисдикционных функций, связанных с оперативным судебным контролем за применением мер процессуального принуждения к участникам процесса на досудебном этапе. В данной связи, если говорится о структурной реформе именно этого направления деятельности, следует апеллировать к статусу, функциям и организационным моментам функционирования именно следственного судьи (судьи за арестами);

3) совмещение в одном (даже судебном) органе одновременно и следственных, и юрисдикционных функций объективно показало свою несостоятельность в странах континентальной системы права, ибо судья / следователь *a priori* не может быть одновременно эффективным субъектом расследования и действительно беспристрастным субъектом контроля за законностью и обоснованностью (своих) основных актов;

4) именно в данной связи страны континентальной системы права, постепенно отказываясь от фигуры следственного судьи (как следователя), считают в принципе

невозможным отказаться от фигуры специализированного следственного судьи субъекта оперативного судебного контроля за применением мер процессуального принуждения на досудебном этапе;

5) при этом наиболее оптимальной является такая организация деятельности, при которой специализированный следственный судья функционирует в принципе автономно от суда (первой или вышестоящей инстанции), призванного к рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу;

б) принципиальным является также создание такого автономного органа контроля (проверки) законности и обоснованности решений специализированного следственного судьи, который, с одной стороны, обеспечит эффективность и доступность подобной проверки для заинтересованных лиц, а с другой — позволит гарантировать подлинную независимость функционирования указанного судьи, в том числе от императивно обязательных указаний вышестоящих судебных инстанций [4].

На основании изложенного обоснованным представляется вывод о том, что в системе юридических гарантий защиты прав человека на досудебных стадиях уголовного производства полномочия следственного судьи приобретают особое значение, поскольку образуют самостоятельную функцию судебной власти, направленную исключительно на защиту конституционных прав и свобод человека. Вместе с тем введение института следственного судьи будет способствовать:

а) разгрузке судов общей юрисдикции, выполняющих сегодня эти полномочия;

б) дифференциации уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, позволит усовершенствовать механизм рассмотрения уголовных производств;

в) более основательному и взвешенному подходу судей к изучению ходатайств органов досудебного расследования и прокурора и материалов уголовного дела, что позволит исключить формальное отношение к ним;

г) оперативности в решении вопроса о выполнении таких следственных (розыскных) действий, как проведение обыска или осмотра в жилище или ином владении лица, что, конечно, скажется на сроках принятия процессуальных решений;

д) своевременности в рассмотрении жалоб на действия и решения органов досудебного расследования и прокурора, что является необходимым условием для безотлагательного восстановления нарушенных конституционных прав и свобод человека;

е) повышению уровня правовой защищенности человека в уголовном производстве в целом.

Таким образом, назначение судебного контроля состоит в том, что он осуществляет реализацию комплексного института защиты с целью обеспечения доступа к правосудию и восстановлению нарушенных прав и законных интересов личности при производстве по уголовному делу.

Наметилась потребность в законодательном совершенствовании. Так, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ требуется внесение нормы, которая бы не допустила участия судьи в рассмотрении уголовного дела в любой судебной инстанции, если судья рассматривал вопросы в порядке судебного контроля. Целесообразно будет внести данные изменения в часть 4 статьи 63 УПК РФ и изложить данную норму в следующей редакции: «Судья, принимавший решения по уголовному делу в порядке судебного контроля, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу».

Подводя итоги о сущности и значении судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, следует сформулировать основные выводы: судебная деятельность в досудебном производстве выступает обязательным элементом процессуальной формы, направленной на решение определенных законом задач и достижение назначения уголовного судопроизводства; однозначное определение сущности судебной деятельности в досудебном производстве невозможно в силу ее многогран-

ности; разнообразие процессуальных форм реализации судебной деятельности в досудебном производстве является основанием для выделения в ее структуре отдельных направлений деятельности, имеющих сходные черты с правосудием.

Примечания

¹ Также в общее число таких материалов включены материалы судебного контроля, рассматриваемые судами на основании федеральных законов от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

² Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о деятельности судов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 24.04.2016).

Библиографический список

1. Азаров В. А. Сущность российского уголовного процесса и судебный контроль // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2009. С. 23.
2. Зайцева Е. А., Костерина Н. В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования: монография. Волгоград, 2012.
3. Исмагилов Р.А., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
4. Ковтун Н.Н., Бухранова Т. С. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»..
5. Коробкова Е.Е. Соотношение функций судебного контроля и разрешения уголовного дела в деятельности суда // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 96–101.
6. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
7. Предварительное следствие: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под ред. М.В. Мешкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
8. Семенцев В.А., Нагоева М.А. Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве: монография. Краснодар, 2013.
9. Семенцов В.А., Аваков О.О. Направления судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

References

1. Azarov V.A. *Sushchnost' rossiiskogo ugolovnogo protsessa i sudebnyi kontrol'* [Essence of Russian criminal process and judicial control]. In: *Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk, 2009 [in Russian].
2. Zaitsev E. A., Kosterina N.V. *Polnomochiia suda na stadii predvaritel'nogo rassledovaniia: monografiia* [The powers of the court at the stage of preliminary investigation: monograph]. Volgograd, 2012 [in Russian].
3. Ismagilov R.A., Sharapov R.D. *Pokhoronnaia kul'tura kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany: monografiia* [Funeral culture as an object of criminal-legal protection: monograph]. M.: Iurlitinform, 2014 [in Russian].
4. Kovtun N.N., Boranova T.S. *Institut sudebnogo sledovatel'ia i spetsializirovannogo sledstvennogo sud'i v kontekste opyta stran kontinental'noi sistemy prava* [Institute of court

investigator and specialized investigating judge in the context of experience of countries of continental system of law]. In: *Konsul'tant plus* [Consultant plus] [in Russian].

5. Korobkova E.E. *Sootnoshenie funktsii sudebnogo kontrolya i razresheniya ugovnogo dela v deyatelnosti suda* [Correlation functions of judicial review and resolution of the criminal case in the court activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 6, pp. 96–101 [in Russian].

6. Muratova N.G. *Sistema sudebnogo kontrolya v ugovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki: Avtoref. dis... na soiskanie uchenoi stepeni doktora iuridicheskikh nauk* [The system of judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legislation and practice: Authors abstract of Doctors of Law thesis]. Ekaterinburg, 2010 [in Russian].

7. *Predvaritel'noe sledstvie: uchebnik dlia kursantov i slushatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya MVD Rossii po spetsial'nosti «Jurisprudentsiia». Pod red. M.V. Meshkova. 2-e izd., pererab. i dop.* [Preliminary investigation: textbook for cadets and hearers of higher vocational education institutions of the Interior Ministry of Russia with a specialization in «Jurisprudence». M.V. Meshkov (Ed.). 2nd edition, revised and enlarged]. M.: IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2012 [in Russian].

8. Sementsev V.A., Nagoeva M.A. *Protssessual'nye polnomochiia sledovatel'ia v dosudebnom proizvodstve: monografiia* [Procedural powers of the investigator in pre-trial proceedings: monograph]. Krasnodar, 2013 [in Russian].

9. Sementsov V.A., Avakov O.O. *Napravleniia sudebnoi deyatelnosti v dosudebnykh stadiakh ugovnogo sudoproizvodstva: monografiia* [Directions of judicial activity in the pre-trial stages of criminal proceedings: monograph]. M.: Iurlitinform, 2014 [in Russian].

*E.E Galimov**

ON THE ISSUE OF JUDICIAL CONTROL OVER PRE-TRIAL PROCEEDINGS

In the article the discussion issues related to the implementation of court control in the course of pre-trial proceedings are revealed. The article proposes the introduction of a party to the criminal proceedings as «court investigator». The author also formed proposals for amendments and additions to the Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: judge, court investigator, criminal proceedings, historical model, petition, complaint.

* Galimov Erik Engelevich (erikgalimov@mail.ru), Department of Special Training, Ufa Law Institute of the Internal Ministry of Russia, 2, Muksinova St., Ufa, 450103, Russian Federation.